

УДК 811.512.157

<https://doi.org/10.25587/2222-5404-2025-22-2-151-162>

Оригинальная научная статья

Когнитивно-семиотическое моделирование лексики тактильной перцепции в якутском языке

Р. П. Иванова

Политехнический институт (филиал), Северо-Восточный федеральный университет
им. М.К. Аммосова в г. Мирном, г. Мирный, Российская Федерация

✉ raissal@yandex.ru

Аннотация

Исследование лексики тактильной перцепции в якутском языке представляет значительный интерес для когнитивной лингвистики и семиотики, так как позволяет раскрыть взаимосвязь между языковыми средствами, культурными кодами и внутренним миром человека. В условиях недостаточной изученности перцептивной лексики в якутском языке данная работа восполняет пробел в понимании ее роли в художественном тексте. Целью работы является когнитивно-семиотическое моделирование лексики тактильной перцепции в рассказе Ангелины Васильевой–Дайынына «Кэрэчээнэ», выявление ее функций в передаче эмоций, чувств и внутренних состояний героев. В качестве материала исследования используется текст рассказа «Кэрэчээнэ» Ангелины Васильевой–Дайынына. Основным методом выступает когнитивно-семиотический анализ, который позволяет выявить ключевые модели, такие как «Тактильная перцепция – чувство любви», «Тактильная перцепция – душевная рана», «Тактильная перцепция – благодарность» и др. Анализ показал, что тактильная лексика играет важную роль в раскрытии психологического портрета главного героя, его переживаний и трансформации. Тактильные образы взаимодействуют с культурными и социальными контекстами, формируя сложные смысловые структуры. Лексика тактильной перцепции выступает эффективным инструментом передачи эмоциональных состояний и внутренних конфликтов. Исследование демонстрирует уникальность тактильной лексики как элемента художественного текста, подчеркивая ее значимость для смыслообразования и раскрытия внутреннего мира человека. Статья вносит вклад в изучение перцептивной лексики в якутском языке, расширяя понимание ее роли в когнитивно-семиотическом пространстве литературного произведения. Полученные результаты подчеркивают, что тактильная лексика не только отражает эмоциональные и психологические состояния героев, но и служит связующим звеном между индивидуальным опытом и культурными традициями якутского народа. Это позволяет рассматривать ее как важный инструмент для передачи глубинных смыслов и культурных кодов якутского этноса.

Ключевые слова: когнитивная семиотика, моделирование, перцептивная лексика, якутский язык, смыслообразование, внутренний мир человека, языковой знак, художественный дискурс, символ, культурный код

Финансирование. Исследование не имело финансовой поддержки

Для цитирования: Иванова Р. П. Когнитивно-семиотическое моделирование лексики тактильной перцепции в якутском языке. Вестник СВФУ. 2025, Т. 22, № 2. С. 151–162. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-2-151-162

Original article

Cognitive-semiotic modeling of tactile perception vocabulary in the Sakha (Yakut) language

Raisa P. Ivanova

Mirny Polytechnic Institute (branch) of the M.K. Ammosov North-Eastern Federal University,
Mirny, Russian Federation

✉ raissal@yandex.ru

Abstract

The study of tactile perception vocabulary in the Sakha language is of significant interest to cognitive linguistics and semiotics, as it reveals the relationship between linguistic means, cultural codes, and the inner world of a person. Given the insufficient research on perceptual vocabulary in the Sakha language, this work fills a gap in understanding its role in literary texts. The aim of the article is to conduct a cognitive-semiotic modeling of tactile perception vocabulary in Angelina Vasilyeva-Daiyyna's story "Kerecheene", identifying its functions in conveying emotions, feelings, and the inner states of the characters. The research material is the text of the story "Kerecheene" by Angelina Vasilyeva-Daiyyna. The primary method is cognitive-semiotic analysis, which allows for the identification of key models such as "Tactile Perception – Feeling of Love", "Tactile Perception – Emotional Wound", "Tactile Perception – Gratitude", and others. The analysis showed that tactile vocabulary plays an important role in revealing the psychological portrait of the main character, their experiences, and transformation. Tactile images interact with cultural and social contexts, forming complex semantic structures. Tactile perception vocabulary serves as an effective tool for conveying emotional states and internal conflicts. The study demonstrates the uniqueness of tactile vocabulary as an element of literary text, emphasizing its significance for meaning formation and the revelation of the human inner world. The article contributes to the study of perceptual vocabulary in the Yakut (Sakha) language, expanding the understanding of its role in the cognitive-semiotic space of a literary work. The findings highlight that tactile vocabulary not only reflects the emotional and psychological states of the characters but also serves as a bridge between individual experience and the cultural traditions of the Sakha people. This allows it to be viewed as an important tool for conveying deep meanings and cultural codes the Sakha ethnos.

Keywords: cognitive semiotics, modeling, perceptual vocabulary, Sakha language, meaning formation, innerworld, linguistic sign, fiction, symbol, cultural code

Funding. No funding was received for writing this manuscript

For citation: Ivanova R. P. Cognitive-semiotic modeling of tactile perception vocabulary in the Sakha (Yakut) language. *Vestnik of NEFU*. 2025, Vol. 22, No. 2. Pp. 151–162. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-2-151-162

Введение

Когнитивная семиотика рассматривается как новая научная парадигма, которая интегрирует знаковые и когнитивные структуры, акцентируя внимание на их взаимодополняемости и взаимодействии [1–4]. Она определяется как «новая дисциплина, посвященная анализу значения» [5, p. 2], «междисциплинарная матрица дисциплин и методов, сосредоточенная на многогранном феномене смысла» [6, p. 2].

Когнитивная семиотика основывается на ключевых принципах, которые определяют ее подход к изучению смыслов. Онтологический плюрализм признает множественность форм существования знаков и смыслов. Сочетание теоретических и эмпирических исследований обеспечивает глубину и достоверность научных выводов. Методологическая триангуляция предполагает использование разнообразных методов для анализа одного феномена, повышая объективность результатов. Влияние феноменологии акцентирует внимание на субъективном опыте и индивидуальном восприятии. Фокус на динамизме подчеркивает изменчивость и развитие смыслов во времени. Наконец, междисциплинарность объединяет методы из различных наук, таких как лингвистика, психология и философия, для комплексного изучения смысла [6, р. 10]. Эти принципы делают когнитивную семиотику мощным инструментом для анализа сложных процессов смыслообразования.

Предлагаемый подход предполагает интеграцию когнитивного и семиотического моделирования, что объясняется двойственной природой языка. С одной стороны, язык представляет собой систему знаков, замещающих предметы и явления реального мира. С другой стороны, это система символов, отражающих духовный опыт человечества. Особое внимание уделяется роли воображения как ключевого механизма восприятия и интерпретации знаков, что позволяет глубже понять процессы смыслообразования и коммуникации [7].

Значительный вклад в развитие когнитивной семиотики внес Ю. Р. Валькман, который отмечает, что когнитивная семиотика призвана связать действия в трех мирах: реальном (физическом), мире знаков (семиотическом) и ментальном (когнитивном) [8]. Его идеи о связи образного мышления с когнитивной семиотикой [9] сближают этот метод с когнитивной теорией метафоры, разработанной Дж. Лакоффом и М. Джонсоном [10, 11]. Принципы когнитивного моделирования, предложенные этими авторами, находят свое развитие в когнитивно-семиотическом анализе, что позволяет углубиться в смысл текста, выявляя глубинные когнитивные и символические знаки.

Материал и методы исследования

Материалом исследования послужил рассказ Ангелины Васильевой–Дайыына «Кэрэчээнэ», опубликованный в 2015 г. в 8 номере литературного журнала на якутском языке «Чолбон».

В настоящем исследовании применяется метод когнитивно-семиотического моделирования, который дополняет когнитивное моделирование, расширяя его рамки за счет учета не только ментальных процессов, но и роли знаковых систем в формировании и передаче смыслов. Когнитивное моделирование в лингвистике основывается на нескольких ключевых теоретических концепциях. Одной из них является принцип категоризации и концептуализации, который предполагает, что язык отражает способы, с помощью которых человек организует и интерпретирует информацию [12–14]. Этот принцип помогает понять, как языковые единицы связаны с ментальными репрезентациями и как человек структурирует восприятие мира [10, 15, 16].

Еще одна ключевая концепция – теория ментальных пространств, которая объясняет, как человек создает и манипулирует ментальными репрезентациями в процессе коммуникации. Ментальные пространства позволяют работать с информацией, выходящей за рамки непосредственного контекста, и используются для анализа сложных когнитивных процессов, таких как метафора, метонимия и условные конструкции [17, 18].

Однако когнитивное моделирование имеет ограничения, особенно в изучении социального и культурного контекста, где знаки играют ключевую роль. Когнитивно-семиотическое моделирование дополняет этот подход, учитывая, что

язык – это не только когнитивный феномен, но и сложная знаковая система. Оно подчеркивает, что знаки не статичны, их значения могут меняться в зависимости от контекста и интерпретации [11, 19]. В художественном тексте слова могут приобретать дополнительные смыслы благодаря взаимодействию с другими знаками [20].

Метод когнитивно-семиотического анализа обосновывается необходимостью объединить изучение знаковых систем с когнитивными процессами, что позволяет глубже исследовать природу человеческого мышления и коммуникации. Этот метод возник на стыке семиотики и когнитивной науки, что делает его междисциплинарным инструментом для анализа смыслов в текстах и других знаковых системах [21]. Текст – это не замкнутая структура с фиксированным смыслом, а открытая система, которая порождает множество интерпретаций [22, 23]. По мнению Р. Барта, «текст – это не линейная последовательность слов, а сеть взаимосвязанных лексем, каждая из которых связана с культурными кодами. Эти коды – любви, искусства, смерти – пронизывают текст и создают его многомерный смысл» [24, с. 18]. Перейдем к когнитивно-семиотическому анализу текста.

Роль тактильной лексики в рассказе

Рассказ Ангелины Васильевой–Дайыбына «Кэрэчээнэ» [25] повествует о жизни молодого холостого учителя литературы, представителя интеллигенции, Андрея. Его жизнь течет размеренно и обыденно, как у многих: он полностью погружен в работу, почти не замечая окружающего мира. Андрей не стремится к общению, редко куда-то выходит, а свой 33-летний день рождения и вовсе не планировал отмечать, если бы не инициатива друзей. Они заказали столик в ресторане и подарили ему сертификат на курсы вождения в автошколе. Неохотно, но Андрей соглашается пойти на эти курсы, где встречает девушку-инструктора необычайной красоты – Надежду. В ее присутствии он начинает испытывать смутное, но сильное чувство, которое тщательно скрывает, называя ее про себя Кэрэчээнэ (Прекрасная).

Тактильная лексика в рассказе играет важную роль, помогая раскрыть внутренний мир героя и его зарождающиеся чувства. Она часто используется в переносном значении, создавая тонкие эмоциональные акценты и подчеркивая изменения в душевном состоянии Андрея.

С точки зрения когнитивно-семиотической функции тактильная лексика в рассказе выполняет несколько задач. Во-первых, она служит мостиком между внешним миром и внутренними переживаниями героя, позволяя читателю глубже понять его эмоциональное состояние. Во-вторых, она создает контраст между привычной для Андрея рутинной и новыми, яркими ощущениями, которые приносит в его жизнь встреча с Кэрэчээнэ.

Тактильная лексика в рассказе не только обогащает текст, делая его более живым и чувственным, но и помогает раскрыть сложный процесс пробуждения чувств у главного героя. Она становится инструментом, который позволяет автору передать тонкие нюансы эмоционального состояния Андрея, его внутреннюю борьбу и постепенное раскрытие для новых, ранее неизведанных переживаний.

Тактильные когнитивно-семиотические модели в тексте

Рассмотрим примеры употребления тактильной лексики, которые помогают раскрыть внутренний мир героя, его эмоции и переживания.

Андрей был настолько погружен в рутину, что его ничто, кроме работы, не интересовало. Он жил в своем замкнутом мире, целиком и полностью уходя в литературу, словно пытаясь найти в ней спасение от однообразия жизни. В свои тридцать три года он не обрел ни семьи, ни увлечений, которые могли бы вывести его из этого состояния. Даже свой день рождения он не хотел отмечать, считая это пустой тратой времени. Однако его друзья, давно заметившие, как Андрей

постепенно отдаляется от реальности, решили взять инициативу в свои руки. Они сговорились между собой, заказали столик в ресторане и буквально заставили его выйти из зоны комфорта.

Оказавшись в ресторане в веселой компании друзей, которые уже успели обзавестись семьями, построить карьеру и воспитать детей, Андрей вдруг с особой остротой осознает свое одиночество. Странное чувство сожаления, тихое и навязчивое, подкрадывается к его сердцу. Он начинает понимать, что за годы, проведенные в бесконечной рутине, он упустил что-то важное – то, что делает жизнь наполненной и настоящей. Тактильная лексика, используемая автором, помогает передать это внутреннее смятение, подчеркивая, как герой буквально ощущает тяжесть упущенных возможностей и нереализованных мечтаний. Через это описание читатель может почувствовать, как Андрей, словно пробудившись ото сна, начинает осознавать, что его жизнь требует перемен:

1. *Оо, олох! Сыл-кун, дьыл-кун эргимтэтэ түргэтээн истэбин ахсын, кини барахсан олобун суолугар сүтэртээн иһэр ээ, эдэр саас доботторун, ололуу ыраас тапталаһын, үрдүккэ талаһытын, модун баҕарытын!.. Ханна баалларый?.. Ханнык тобойго састылар? Курустук сайыһа хаалбыттары кини тобо өйдөөн көрбөтө, төннөн кэлэн сүрэбэр **сыһыары тунната**? [25, с. 16].*

О, жизнь! В стремительном круговороте человек, идя по своему жизненному пути, незаметно теряет друзей юности, по-детски искреннюю любовь, стремления к лучшему и свои мечты. Куда же все это исчезло? За каким поворотом судьбы, за каким изгибом реки спряталось? Почему он не заметил, как все это осталось позади, не желая отпустить, почему он не остановился, не оглянулся и **не прижал** все это к сердцу? (здесь и далее – перевод наш).

Его прошедшая юность, упущенное время олицетворяются, а тактильный глагол *сыһыары тут* «прижимать» в отрицательной форме *тунната* в сочетании с существительным-локативом *сүрэх* «сердце» выражает чувство неудовлетворенности, сожаления. Оказалось, что жизнь прошла мимо, а он этого и не заметил. Прошедшая юность и упущенное время словно оживают в его воспоминаниях, олицетворяясь в чем-то осязаемом, почти материальном. Тактильный глагол *сыһыары тут* становится мощным выразительным инструментом. Он передает глубокое чувство неудовлетворенности и сожаления, которое охватывает героя. Эта конструкция не просто описывает эмоциональное состояние Андрея, но и создает яркий образ: он словно пытается вернуть утраченное, прижать к сердцу то, что уже невозможно обнять. Таким образом, в тексте актуализируется когнитивно-семиотическая модель «тактильная перцепция – чувство сожаления». Тактильная лексика здесь становится не просто способом описания физического действия, но и символьным знаком внутреннего состояния героя. Она передает его попытку осмыслить утраченное, ощутить то, что уже нельзя вернуть, и в то же время подчеркивает его беспомощность перед неумолимым течением времени.

Он плывет по течению, не ставя перед собой целей и не интересуясь тем, что происходит за пределами его маленького мира. Его жизнь лишена направления, а сам он пассивный наблюдатель, лишь реагирующий на обстоятельства. В следующем фрагменте это состояние раскрывается через персонифицированную конструкцию с тактильным глаголом *тут* «брать, хватать»:

2. *Биир күдьүс күппүлүү көтөр күннэрин кутуруктарыттан **тутуспутунан**, тыал үрэрин, сүүрүк илдэрин хоту устан иһэр буолаахтаатаҕа [25, с. 17].*

Схватив за хвост ускользящие мимо него, похожие друг на друга одинаковые дни, он плыл туда, куда дул ветер и несло течение ручья.

Глагол становится метафорой его существования: он словно «хватается» за дни, которые пролетают мимо, но не может удержать их или придать им смысл.

Тактильная лексика подчеркивает его отстраненность, отсутствие контроля над жизнью и неспособность влиять на ее течение. Через тактильную метафору автор показывает, как Андрей, несмотря на внешнюю стабильность, чувствует себя потерянным. Его жизнь – череда одинаковых дней, проживаемых механически. Таким образом, реализуется когнитивно-семиотическая модель «тактильная перцепция – рутина». Тактильная лексика показывает, как рутина становится не просто частью жизни героя, но и ее сутью, поглощая его целиком и не оставляя места для чего-то нового или неожиданного. Это состояние, с одной стороны, дает ощущение безопасности, а с другой – лишает жизнь смысла и перспектив.

Посещая курсы вождения, главный герой горячо влюбляется в девушку-инструктора. Чувство влюбленности и нежности к девушке описывается посредством различной перцептивной лексики, в особенности, тактильной: *дууһаны сылыталлар* (греют душу), *изйишгэ тырыта тыыттара истэ* (раздирало на части от чувств), *көрбүтүн барытын кууһуох* (обнять все вокруг), *сынгаабын ытыстаһыннарбакка* (челюсть не смыкалась), *икки ангы ыыра тардан кэбиһэрэ* (разрывает пополам):

3. *Кыыс, кыыс... Кыыс уонна Кэрэ. Дьүөрэлии да тыллар! Харабы эрэ манньытарбуолбатахтар, дууһаны сылыталлар, үтүөбэ, үрдүккэ кынаттыыллар... Олтуобус тохтобулугар баран иһэн, кини икки изйишгэ тырыта тыыттара истэ. Бииринэн, харабар хойуу хара кыламан сапсыммахтыыра көстөр, ураты сырдык изйиш түөһүн үөрүүнэн толорон, туох эрэ биллибэт күүстэн өрө көтүөх, эккириэх, көрбүтүн барытын кууһуох, күлүөх-үөрүөх санаата кэлэр. Дьэ, дыкти да буолар эбит. Ити изйиш киһи сынгаабын ытыстаһыннарбакка, букатын икки ангы ыыра тардан кэбиһэрэ дыктитин. Онон уостара ыпсыбакка, мичээрин бу харана халлаанна, лаампа уотуттан кылабачыйар хаар кырынахтарыгар, ыраах кыламнаан көстөр куорат уоттарыгар бэлэхтии истэ* [25, с. 18].

Девушка, девушка... Девушка и Прекрасное. Как созвучны эти слова! Они не просто радуют глаз – они **согревают** душу, вдохновляют на что-то доброе, светлое, возвышенное... По пути к автобусной остановке его буквально **разрывало** на части от двух чувств. Во-первых, перед глазами то и дело всплывал образ ее густых черных хлопающих ресниц, а какое-то неземное, светлое чувство наполняло его душу теплом и радостью. Во-вторых, какая-то неведомая сила вызывала в нем неудержимое желание летать, прыгать, **обнять** весь мир и радоваться каждому мгновению. Как же это странно и одновременно прекрасно! Это чувство не позволяло его губам (букв. челюсти) **сомкнуться**, словно **разрывая** его пополам. И вот он шел, даря свою улыбку темному небу, крупинкам снега, искрящимся под светом фонаря, и далеким огням города.

Через тактильную лексику автор показывает, как влюбленность буквально переполняет героя, становясь не только эмоциональным, но и физическим переживанием. Он ощущает ее всем своим существом: от тепла, которое разливается по душе, до шемящего чувства, которое словно разрывает его на части. Эти описания подчеркивают, как любовь становится для Андрея чем-то всеобъемлющим, выходящим за рамки привычного и рационального. Тактильная лексика помогает читателю глубже прочувствовать внутренний мир героя, его смятение, восторг и одновременно страх перед новым, неизведанным чувством. Переполняющее главного героя чувство описывается автором преимущественно посредством тактильной лексики благодаря тому, что тактильное восприятие как самое первое и понятное человеку чувство, является наиболее удобным способом образного выражения чувств, что в свою очередь можно представить в качестве когнитивно-семиотической модели «Тактильная перцепция – чувство влюбленности».

Однако временами героя охватывают сомнения в ответном чувстве девушки. Она кажется ему настолько красивой, уверенной в себе и недосыгаемой, что он

начинает сомневаться, может ли она вообще обратить на него внимание. Андрей чувствует, что она не равня ему, и это порождает в нем внутренний конфликт. Чувство сомнения и противоречия автор передает через ряд тактильных глаголов в метафорических сочетаниях: *кымаахтыыр* (щиплет), *баттыыр* (давит):

4. *Ол эрэри, туюх эрэ күлүк санаа үөмэн кэлэн үөрүүттэн толугуруу мөхсүбүт сүрэбин быһыта кымаахтыыр, ыарахан таас буолан быарыгар сөнгөн, аллара баттыыр курдук* [25, с. 18].

Однако какая-то темная мысль подкрадывается к нему на цыпочках и сжимает его наполненное радостью сердце, словно тяжелый камень оседает в его печени, и **давит** вниз.

Актуализируется когнитивно-семиотическая модель «Тактильная перцепция – чувство сомнения». Данная модель подчеркивает, что тактильное восприятие – это не только физический акт, но и семиотический процесс, в котором телесные ощущения превращаются в знаки, требующие расшифровки. Чувство сомнения здесь выступает как катализатор, стимулирующий поиск смыслов и интерпретаций, что делает тактильный опыт не просто сенсорным, но и когнитивно насыщенным.

Интеллигентный учитель, никогда не сидевший за рулем, оказывается в роли водителя и испытывает новые, непривычные ощущения. Руки, привыкшие к указке и книгам, теперь сжимают руль, а взгляд скользит по зеркалам и дорожным знакам. Тело, обычно расслабленное, напряжено, ноги учатся чувствовать педали, а ум – принимать мгновенные решения:

5. *Урут суоппардары ураты дьон диэн көрөрө, оттон бэйэн уруулу тутан, массыыналар кэккэлэригэр киирсэн, тэбис-тэнгэ барсан иһэрин, ураты иэйиини, киэн туттууну үөскэтэр* [25, с. 19].

Раньше он воспринимал водителей как особенных людей, но теперь, сам сев за руль (букв. **держ**а руль) и двигаясь в едином потоке машин, испытывал необыкновенное чувство гордости.

Теперь Андрей чувствует себя более уверенным и мужественным. То, что раньше казалось недостижимым и пугающим, оказалось вполне реальным и выполнимым. Он ощущает, как его руки, крепко сжимающие руль, становятся не просто инструментом управления, а символом обретенной силы и контроля над ситуацией. Тактильный глагол *тут* (держат в руках) здесь приобретает двойное значение: буквальное – физическое ощущение руля, и метафорическое – чувство власти над обстоятельствами. Этот момент становится ключевым в реализации когнитивно-семиотической модели «Тактильная перцепция – чувство уверенности», где каждое прикосновение, каждое движение рук подчеркивает его растущую уверенность в себе и своих возможностях.

Чувства главного героя к девушке-инструктору усиливаются с каждым днем, и развитие их отношений передается через обильное использование тактильной лексики. Каждое случайное прикосновение, легкое касание руки на руле становятся для него значимыми событиями, наполненными смыслом:

6. *Ыксаллаах түгэнгэ инструктора уруулун бэйэтэ эрийэн, көннөрөн биэрэр. Ол онно илиилэрэ таарыйсан, сын-сылааһынан дабайсан ылаллара, ама туюхха тэнгэнэйиэй! Онон Өндүрэй соробор ол сын-сылаас илии дабайарын өссө төгүл билээри, соруйан сыһара да баар суол. Ону баалааман дуу...* [25, с. 19].

В сложных ситуациях инструктор сама **хваталась за руль** и выруливала. В эти мгновения их руки **соприкасались**, и Андрей **ощущал** ни с чем не сравнимое **тепло!** Порой он намеренно допускал ошибки, чтобы вновь **почувствовать эти теплые прикосновения**. Не судите его за это строго...

Будучи скромным и интеллигентным человеком, учитель придавал огромное значение тактильным ощущениям. Случайное прикосновение рук возлюбленной

вызывало у него бурю эмоций. Для него эти мимолетные касания становились не просто физическим контактом, а настоящими знаками глубокого чувства, наполненными смыслом и нежностью. Таким образом, в тексте реализуется когнитивно-семиотическая модель «Тактильная перцепция – чувство любви», где каждое прикосновение становится символом эмоциональной близости и зарождающейся привязанности.

На следующий день во время занятия Кэрэчээнэ была чем-то раздражена: она ругалась с кем-то по телефону и даже срывалась на крик. Андрей, восприняв это на свой счет, растерялся и сделал несколько ошибок в вождении:

7. *Ол онтон хомойон, онгорботох да буруйун барытын бэйэтигэр ылыннан, үүтүн тохпун оёо курдук сүөм түспүт Өндүрэй суолга уруулу тутан олорорун да умнан, хас да куруубай албаһы онгордо* [25, с. 20].

Приняв (букв. **взяв**) все на себя, он сидел расстроенный, как ребенок, опрокинувший молоко, и, позабыв, что **сидит за рулем** (букв. **держит руль**), сделал несколько грубых ошибок.

Тактильная лексика в данной ситуации реализует когнитивно-семиотическую модель «Тактильная перцепция – чувство вины». Плохое настроение девушки вызывает у влюбленного героя чувство вины и волнения, из-за чего он теряет концентрацию и совершает ошибки. Девушка-инструктор, раздраженная, начинает его оскорблять:

8. – Куда смотришь?! Не видишь, что ли, желтый цвет уже горит? Совсем тупой, что ли!.. Учитель называется! (в оригинале девушка говорит на русском) [25, с. 20].

Эти слова сильно ранят героя:

Оо, тыллар! Соробор сытыы быһахтаабар да ыарыылаахтык киһини бааһырдабыт эбээт! Ах, слова! Иногда **раните** человека более **острого ножа!**

Тактильная лексика в приведенном фрагменте актуализирует когнитивно-семиотическую модель «Тактильная перцепция – душевная рана», передавая отрицательное эмоциональное состояние героя. Грубые слова девушки глубоко ранили парня, и он приходит к мысли, что она никогда не ответит ему взаимностью.

Подавленный и разочарованный, Андрей около недели пропускает занятия. Когда он все же решает вернуться, то обнаруживает, что вместо Кэрэчээнэ инструктором оказался мужчина. Девушка куда-то пропала и больше не появлялась, оставив после себя лишь чувство недосказанности и горечи:

9. *Аны хаһан да Кэрэчээнэни көрбөппүн диэн санаа төбөтүгэр этинни саалынна* [25, с. 20]. **Мысль**, что он никогда больше не увидит Кэрэчээнэ, **окатила** его внезапно **будто удар** грома.

Мысль о том, что Андрей больше никогда не увидит Кэрэчээнэ, глубоко огорчала его. Метафорическое выражение с сравнением *санаа төбөтүгэр этинни саалынна* – «мысль разразилась (букв. ударила) как гром» – ярко описывает его внутреннее эмоциональное состояние, передавая разочарование и грусть. В этом фрагменте актуализируется когнитивно-семиотическая модель «Тактильная перцепция – подавленное эмоциональное состояние», где тактильная лексика подчеркивает силу переживаний, словно удар, отзывающийся в душе героя.

Позже Андрей узнает, что Кэрэчээнэ уволилась с работы из-за личных проблем. Казалось, связь между ними оборвалась навсегда. Однако на уроках литературы, когда речь заходит о глубоком чувстве любви, он с неожиданным воодушевлением рассказывает о ней ученикам – так убедительно, так проникновенно, что дети заслушиваются, словно замороженные. В его словах звучит не только знание предмета, но и личное переживание, которое делает рассказ живым и трогательным:

10. *Бэйэтин сүрэжин ыарыытын таарыйан, абаран-сатаран, олус итэбэтиилээхтик кэпсээтэ* [25, с. 21]. **Задевая** свою сердечную рану, с чувством, очень убедительно рассказал (о любви).

Тактильный глагол *таарый* (прикасаться) в приведенном примере, сочетаясь с абстрактным объектом – *сүрэжин ыарыытын* (сердечная боль, рана), обозначает печальный любовный опыт героя. Перцептивная лексема *ыарыы* (боль) актуализирует отрицательный концептуальный признак, подчеркивая глубину его переживаний. Таким образом, реализуется когнитивно-семиотическая модель «Тактильная перцепция – печальный опыт любви», где тактильные образы становятся символами эмоциональной травмы и утраты.

После бурной дискуссии о любви во время урока со своими учениками он осознает, что, несмотря на безответность своих чувств, все же имел счастье познать это глубокое и искреннее переживание. Любовь к Кэрэчээнэ, пусть и неразделенная, подарила ему новые эмоции, вдохновение и даже изменила его жизнь, заставив взглянуть на мир иначе. Теперь он понимает, что сам факт способности так сильно чувствовать – это уже дар:

11. *Таптал да араастаах. Ким эрэ омуннаахтык күүдэпчилэнэ умайыа, ким эрэ нарын ийииттэн долгуйа ууллуу, ким эрэ бастакы хаһынтан сүрэбэ мууһуруо... Ол эрэн таптал – олобу хамсаатар күүс диэн мээнэбэ эппэттэр* [25, с. 21].

Любовь бывает разная. Кто-то будет **гореть** страстно, кто-то **растает** от нежного, волнующего чувства, у кого-то из-за первого разногласия **заледевает сердце**. И все же не зря говорят: любовь – это сила, **двигающая** жизнь.

Горящие глаза учеников, их живой интерес к теме помогли расстроенному Андрею понять и почувствовать огромную, вечную силу любви. Выбор человека – страдать из-за нее или осмыслить ее и принять. Лексические единицы, относящиеся к тактильной перцепции, здесь употребляются в метафорических выражениях, описывающих мощь любви. Через образы прикосновения, тепла и движения передается, как любовь может вдохновлять, исцелять и преображать. Актуализируется когнитивно-семиотическая модель «Тактильная перцепция – сила любви», где тактильные метафоры становятся ключом к пониманию ее глубины и влияния на человеческую душу.

Познав животворящую силу любви, Андрей с искренней благодарностью вспоминает встречу с Кэрэчээнэ. Даже если их пути разошлись, она подарила ему нечто большее – возможность почувствовать себя по-настоящему живым, понять, что любовь, даже безответная, способна преобразить человека, раскрыть в нем новые грани и вдохновить на перемены. Теперь он видит в этой встрече не боль утраты, а бесценный опыт, который навсегда останется частью его жизни:

12. *Махтал, эйиэхэ, Кэрэчээнэ, мин олохпор көстөн ааспыккар, кылгас да кэмгэ буоллар сырдатан, инникигэ, кэрэбэ угуйан ааспыккар! Улугурбут, тоҥ сүрэххэ сылаас ийиини уһугуннарбыккын умнуом суоҕа* [25, с. 21]!

Благодарю тебя, Кэрэчээнэ, за то, что появилась в моей жизни, пусть даже на короткое время, за то, что притягивала меня к свету, надежде и прекрасному! Ты **разбудила** в моем равнодушном, **заледелом сердце** **теплое чувство**, и я никогда этого не забуду!

Лексика тактильной перцепции употреблена для выражения чувства благодарности за опыт любви, актуализируя когнитивно-семиотическую модель «Тактильная перцепция – благодарность».

Заключение

В ходе анализа перцептивной лексики в тексте произведения Ангелины Васильевой–Дайыына «Кэрэчээнэ» были выявлены ключевые когнитивно-семиотические модели, раскрывающие смысл текста. Тактильная лексика активно

используется для передачи эмоциональных состояний героя, таких как любовь, сомнение, уверенность, вина, облегчение и благодарность. В тексте реализуются несколько моделей, основанных на тактильной перцепции:

- «тактильная перцепция – чувство любви»: через прикосновения и тепло передается глубина чувств героя к Кэрэчээнэ;
- «тактильная перцепция – чувство уверенности»: тактильные действия символизируют обретение контроля и уверенности;
- «тактильная перцепция – чувство вины»: физические ощущения отражают внутренний дискомфорт и раскаяние;
- «тактильная перцепция – печальный опыт любви»: тактильные образы передают боль и разочарование от безответной любви;
- «тактильная перцепция – благодарность»: через образы тепла и пробуждения выражается признательность за пережитый опыт.

Таким образом, тактильная лексика в рассказе выполняет важную художественную функцию, выступая средством репрезентации внутренней трансформации героя. Через систему тактильных образов автору удается воплотить ключевую идею произведения – любовь как экзистенциальную силу, способную преобразовать человеческую природу.

Анализ текста показал, что динамика тактильной перцепции коррелирует с развитием характера персонажа и отражает его духовную эволюцию. Тактильные образы становятся языком, передающим неочевидные психологические состояния, что позволяет говорить об их символической природе.

Тактильная лексика в рассказе служит не просто средством описания, но и важным структурным элементом, связывающим образ героя, сюжетное развитие и идейное содержание в единое художественное целое. Когнитивно-семиотический анализ позволил интерпретировать тактильную лексику как важный механизм концептуализации опыта, где перцептивные данные обретают статус сложных знаков, интегрирующих телесное, психическое и культурное измерения человеческого бытия.

Л и т е р а т у р а

1. Daddesio T. *On minds and symbols: the relevance of cognitive science for semiotics*. Berlin: De Gruyter Mouton; 1995.

2. Беляев И., Капустян В., Рыков В. Знаковые системы и бизнес-процессы. *Информационные ресурсы России*. Москва; 2008(5).

3. Цветков В.Я. Когнитивная семиотика и информационное моделирование. *Перспективы науки и образования*. 2016;24(6):17-22.

4. Рыков В. В. Извлечение знаний – реализация когнитивной семиотики URL: <http://rykov-cs.narod.ru/dlg9.html> (дата обращения: 23.03.2025).

5. Brandt PA. *Spaces, domains and meanings: essays in cognitive semiotics*. Bern: Peter Lang; 2004:268.

6. Zlatev J. Cognitive semiotics: an emerging field for the transdisciplinary study of meaning. *Public Journal of Semiotics*. 2012;4(1):2-24.

7. Paolucci C. *Cognitive Semiotics*. Springer Nature; 2021:167.

8. Валькман Ю. Когнитивная семиотика в процессах образного мышления. *Problems of Computer Intellectualization*. Ithea. Kiev-Sofia: 2012:350-358.

9. Валькман Ю.П., Тарасов В.Б. От онтологий проектирования к когнитивной семиотике. *Онтология проектирования*. 2018;8(1)(27):8-34.

10. Lakoff G. *Women, fire, and dangerous things: what categories reveal about the mind*. Chicago: University of Chicago Press; 1987:614.

11. Lakoff G, Johnson M. *Metaphors we live by*. Chicago: London: University of Chicago Press; 1980:256.
12. Рош Э. Принципы категоризации. *Новое в зарубежной лингвистике*. Москва: Прогресс; 1988;23:23-52.
13. Вежбицкая А. *Язык. Культура. Познание*. Москва: Русские словари; 1996:412.
14. Барсалоу Л.В. Модели категоризации в когнитивной науке. *Когнитивные исследования*. 2010;(4):45-62.
15. Talmy L. *Toward a Cognitive Semantics: in 2 vols*. Cambridge (MA): MIT Press; 2000:565.
16. Джонсон М. *Тело в мышлении: телесная основа смысла, воображения и разума*. Москва: Языки славянской культуры; 2011:368.
17. Fauconnier G. *Mental spaces: aspects of meaning construction in natural language*. Cambridge: Cambridge University Press; 1994:190.
18. Fauconnier G, Turner M. *The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities*. New York: Basic Books; 2002:464.
19. Eco UA. *Theory of semiotics*. Bloomington: Indiana University Press; 1976:368.
20. Бразговская Е.Е. Семиотика. *Языки и коды культуры*. Москва: Юрайт; 2019:187.
21. Sonesson G. From the meaning of embodiment to the embodiment of meaning: a study in phenomenological semiotics. *Embodiment*. 2008:85-128.
22. Барт Р. *Избранные работы: Семиотика. Поэтика*. Москва: Прогресс; 1989:616.
23. Гаспаров М.Л. *Язык. Семиотика. Культура. О поэтах*. Москва: Языки русской культуры, Кошелев; 1997:660. ISBN 5-7859-0009-2.
24. Барт Р. *S/Z*. Москва: Ad Marginem; 1994:304.
25. Васильева А.–Дайыына. Кэрэчээнэ. *Чолбон: литературный журнал*. 2015;(8):16-22.
26. БТСЯЯ – Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах тылдьыта. Новосибирск: Наука; 2004;14 (Буква Ч):298-299.

References

1. Daddesio T. *On minds and symbols: the relevance of cognitive science for semiotics*. Berlin: De Gruyter Mouton; 1995 (in English).
2. Belyaev I, Kapustyan V, Rykov V. Sign systems and business processes. *Information resources of Russia*. Moscow: (2008)5 (in Russian).
3. Tsvetkov VYa. Cognitive semiotics and information modeling. *Prospects for science and education*. 2016;24(6):17-22 (in Russian).
4. Rykov VV. Knowledge extraction – implementation of cognitive semiotics. Available at: <http://rykov-cs.narod.ru/dlg9.html> [Accessed 23 March 2025] (in Russian).
5. Brandt PA. *Spaces, domains and meanings: essays in cognitive semiotics*. Bern: Peter Lang; 2004:268 (in English).
6. Zlatev J. Cognitive semiotics: an emerging field for the transdisciplinary study of meaning. *Public Journal of Semiotics*. 2012;4(1):2-24 (in English).
7. Paolucci C. *Cognitive Semiotics*. Springer Nature; 2021:167 (in English).
8. Valkman Yu, Tarasov VB. Cognitive semiotics in the processes of figurative thinking. *Problems of Computer Intellectualization*. Ithea. Kiev-Sofia: 2012:350-358 (in Russian).
9. Valkman YuR, Tarasov VB. From design ontologies to cognitive semiotics. *Ontology of designing*. 2018;8(1)(27):8-34 (in Russian).
10. Lakoff G. *Women, fire, and dangerous things: what categories reveal about the mind*. Chicago: University of Chicago Press; 1987:614 (in English).
11. Lakoff G, Johnson M. *Metaphors we live by*. Chicago: London: University of Chicago Press; 1980:256 (in English).
12. Rosch E. Principles of categorization. *New developments in foreign linguistics*. Moscow: Progress; 1988;23:23-52 (in Russian).

13. Wierzbicka A. *Language. Culture. Cognition*. Moscow: "Russkie slovari" Publ.; 1996:412 (in Russian).
14. Barsalou LV. Models of categorization in cognitive science. *Cognitive research*. 2010;(4):45-62 (in Russian).
15. Talmy L. *Toward a Cognitive Semantics: in 2 vols*. Cambridge, MA: MIT Press; 2000:565 (in English).
16. Johnson M. *The body in thinking: the bodily basis of meaning, imagination, and reason*. Moscow: Languages of Slavic Cultures; 2011:368 (in English).
17. Fauconnier G. *Mental spaces: aspects of meaning construction in natural language*. Cambridge: Cambridge University Press; 1994:190 (in English).
18. Fauconnier G, Turner M. *The way we think: conceptual blending and the mind's hidden complexities*. New York: Basic Books; 2002:464 (in English).
19. Eco U. *A Theory of Semiotics*. Bloomington: Indiana University Press; 1976:368 (in English).
20. Brazgovskaya EE. Semiotics. *Languages and codes of culture*. Moscow: Yurait; 2019:187 (in Russian).
21. Sonesson G. From the meaning of embodiment to the embodiment of meaning: a study in phenomenological semiotics. *Embodiment*. 2008:85-128 (in English).
22. Bart R. *Selected works: Semiotics: Poetics*. Moscow: Progress; 1989:616 (in Russian).
23. Gasparov ML. Language. Semiotics. Culture. About poets. Moscow: Russian culture; Koshelev: 1997:660 (in Russian).
24. Bart R. *S/Z*. Moscow: Ad Marginem; 1994:304 (in Russian).
25. Vasilieva A.-Dayyyna. Kerecheene. *Cholbon*: literary journal. 2015;(8):16-22 (in Yakut).
26. Big explanatory dictionary of the Yakut language. Letter Ч. Novosibirsk: Nauka; 2004:14:298-299 (in Yakut).

Сведение об авторе

ИВАНОВА Раиса Петровна – к. филол. наук, доц., зав. каф. английской филологии Политехнического института (филиала), ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова» в г. Мирном, г. Мирный, Российская Федерация, ORCID: 0000-0002-9757-1779, eLibrary SPIN-код 5938-5372, e-mail: raissal@yandex.ru

About the author

Raisa P. IVANOVA – Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Head of the Department of English Philology, Mirny Polytechnic Institute (branch) of the M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Mirny, Russian Federation, ORCID: 0000-0002-9757-1779, eLibrary SPIN-code: 5938-5372, e-mail: raissal@yandex.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests

Поступила в редакцию / Submitted 15.05.25

Принята к публикации / Accepted 04.06.25